

Г. С. ЗАЙЦЕВ

*заведующий сектором региональных справочных изданий
Института гуманитарных исследований Тюменского государственного университета, кандидат исторических наук*

УЧАСТИЕ КАЗАКОВ В ЗАПАДНО-СИБИРСКОМ (ИШИМСКОМ) ВОССТАНИИ 1921 г. (ПОПЫТКА ВОЗРОЖДЕНИЯ СИБИРСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА)

Казачество на протяжении многих веков играло особую роль в судьбах народов России. Благодаря Ермаку с дружиной и казакам-первопроходцам было создано великое евразийское государство. И этот неоспоримый факт вызывал и вызывает ненависть врагов казачества. К 1917 г. в Российской империи существовало 11 казачьих войск, а после революции было образовано Енисейское казачье войско (10 тыс. казачьего населения, 2 полка и 3 сотни). В Якутии дислоцировался Якутский казачий полк МВД (3 тыс. человек населения, 3 сотни).

Бывший атаман Всевеликого войска Донского, генерал от кавалерии русский писатель П. Н. Краснов писал: «Одиннадцать казачьих войск — одиннадцать жемчужин в блистательной короне Российской империи. Три городских казачьих полка — три бурмицких зерна Белого Царя. ... У каждого своя история — у кого уходящая в даль веков, к истокам земли Русской, у кого недолгая, молодая жизнь искусственно продвинутых «на линию» полков; все покрыты неувядаемой славой походов и боев, сражений и побед» [1].

Казачков вместе с семьями, до революции, имелось 4 млн 434 тыс. человек. Личный состав в Первую мировую войну (до 1918 г.) насчитывал 68,5 тыс. человек, из них офицеров — 3 тыс. человек, служивый состав — 474 тыс. казаков [2]. Казачьи войска перед Первой мировой войной имели 54 конных полка, 6 пластунских батальонов, 23 батареи, 11 отдельных сотен, 4 отдельных конных и пеших дивизиона, императорский конвой. В Первую мировую войну казачьи войска выставили 164 конных полка, 54 батареи, 30 пластунских батальонов,

179 отдельных сотен и др., общее число более 200 тыс. человек — такие данные находим у писателя и исследователя истории казачества Б. А. Алмазова [3].

Только три казачьих войска сами заняли и освоили свои территории — Донское, Кубанское и Уральское. Все остальные казачьи войска создавались центральной властью (кроме Енисейского), селились на выделенных территориях. Сибирское казачье войско располагалось узкой полосой от границ Оренбурга до р. Иртыш и территориально включало Акмолинскую, Семипалатинскую области, Бийский, Змеиногорский уезды Томской области. К 1910 г. население Сибирского казачьего войска составляло 155683 человека, в том числе мужского пола — 77443, женского пола — 78240 [4].

В начале XX в. центральная власть стала использовать казаков для подавления волнений, революций и демонстраций. А. И. Солженицын в телевыступлении, об этом высказался однозначно: «Не скажу ошибка, не скажу грех — а преступление царского правительства было, что использовали казаков для подавления народных волнений и возмущений. Вот этого делать было нельзя. Чего нельзя было делать — нельзя было втягивать казаков в политику» [5]. Это не могло не сказаться на отношениях между казаками и остальным населением империи. В них стали видеть не защитников Отечества, а в первую очередь сатрапов и жандармов самодержавной власти.

С нарастанием общественно-политического кризиса в стране, увеличивалось имущественное и политическое размежевание в казачьей среде. Деморализованные и разрозненные казаки не оказали заметного отпора Октябрьскому перевороту и оказались по разные стороны баррикад! Революция, гражданская война расколола казачество на два непримиримых лагеря. О тех трагических днях прекрасно написал в романе «Тихий Дон» М. А. Шолохов. Эта трагедия коснулась всех казачьих войск России. В 3-м томе «Истории казачества Азиатской России» описывается трагедия казачьей семьи Енборисовых из Оренбургского войска. Отец у белых, старший сын у красных. По приказу отца старший сын, попав в плен к белым, был расстрелян. Находясь в эмиграции, Г. В. Енборисов написал и издал книгу «От Урала до Харбина», где даже спустя 14 лет не усомнился в своей правоте [6].

Исторически закономерно, что после Октябрьского переворота, первый удар обрушился именно на казачество. 10 ноября 1917 г. был принят декрет «Об уничтожении сословий и гражданских чинов». Тем самым юридически упразднился статус казаков как особого сословия. Хотя в декрете не упоминаются казаки, но указывается, что все сословия и сословные деления граждан, сословные привилегии и ограничения, сословные организации и учреждения упраздняются [7]. Необходимо отметить интересный момент: перед принятием декрета «Об уничтожении сословий и гражданских чинов» II Всероссийский съезд Советов принял обращение к казакам, где говорилось, что советская власть не относится враждебно к трудовым казакам и в будущем будет в союзе с казаками. При более внимательном изучении воззвания явно видны два момента: во-первых, стремление расколоть казаков по имущественному положению; во-вторых, прослеживается курс на «расказачивание».

Вера казаков в прежние ценности значительно ослабла. В течение последующих пяти лет казачьи войска прекратили свое существование.

А. И. Солженицын говорил: «Казачество, историческая драгоценность России!.. Мы все жестоко виноваты перед казачеством. Коммунистический геноцид, который над казачеством был учинен, — первый геноцид в России и один из первых геноцидов на Земле» [8]. Была объявлена война с исторической памятью, война на уничтожение казачьего самосознания, казачьей идентификации, по сути дела, этноцид.

Особенно это проявилось после трагически известного циркулярного письма Оргбюро ЦК РКП(б) от 24 января 1919 г., где четко предписывалось вести «...самую беспощадную борьбу со всеми верхами казачества путем поголовного их истребления... Провести массовый террор против богатых казаков, истребив их поголовно; провести беспощадный массовый террор по отношению ко всем вообще казакам...» [9].

Данный циркуляр действовал два месяца и только на территориях, подконтрольных Красной армии. Ужаснувшись содеянному и понимая, что данная директива в период Гражданской войны принесет больше вреда, ЦК РКП(б) вынужден был отменить директиву Оргбюро от 24 января 1919 г. Несмотря на это, было пролито много казачьей крови за столь короткое время.

Так, к 1926 г. на Дону оставалось не более 45% прежнего казачьего населения, в других войсках — до 25%, а в Уральском войске — лишь 10% (оно чуть ли не целиком снялось в места, пытаясь уйти от безбожной власти). Было уничтожено и выброшено из страны много казаков старше 50 лет — хранителей традиций. Вследствие этого как за рубежом, так и в самой России казачество оставалось в перманентном состоянии Гражданской войны. По некоторым косвенным подсчетам, на стороне белых воевало примерно от 70 до 80% и лишь 20% поддерживало красных [10]. Вместе с тем нельзя забывать, что советская власть предпринимала, пусть и неактивные, действия на восстановление казачества, подконтрольной власти. В частности, в апреле 1925 г. была принята резолюция пленума ЦК РКП(б) «По вопросу о казачестве», где прямо указывалось, что «совершенно недопустимым игнорирование особенностей казачьего быта и применение насильственных мер по борьбе с остатками казачьих традиций» [11]. Предлагалось выделить в отдельные административные единицы районы, где компактно проживали казаки! Однако предложения об образовании административных единиц для казачьего населения страны так и не были воплощены в жизнь. Это была первая попытка советской власти решить вопрос о возрождении казачества. Скорее всего, данные действия предпринимались в тех районах, где было неспокойно и где казачество играло особую роль в межэтнических отношениях.

Еще 17 лет после Гражданской войны продолжали уничтожать казаков, запрещали им служить в армии. Так, в 1930 и 1931 гг., в период раскулачивания, было арестовано и депортировано более 300 тыс. казаков из разных регионов страны. Казаки Сибири и Дальнего Востока либо бежали в Китай (более 30 тыс. человек), либо растворились в крестьянской массе [12]. И только приближающаяся война с гитлеровской Германией заставила Сталина пересмотреть отношение к казачкам. В апреле 1936 г. появилось постановление ЦИК СССР «О снятии с казачества ограничений по службе в РККА». Это была вторая попытка центральной советской власти возродить казачество.

Исследователи отмечают и тот факт, что часть казаков не являлась сторонниками советской власти из-за драконовских мер, которые предпринимала власть против казачества. Отсюда и участие

казаков в самом грандиозном Западно-Сибирском, иногда его называют Ишимском, крестьянском восстании 1921 г.

С точки зрения казачеведения этот факт необходимо рассматривать как попытку возрождения Сибирского казачьего войска. Мятеж охватил территорию с населением в 3,4 млн человек, в нем участвовало от 70 до 100 тыс. человек [13]. А территория была огромной — практически вся Западная Сибирь от Ямала и до территории современного Казахстана.

В данной статье мы не будем анализировать причины восстания, об этом написано достаточно много, необходимо рассмотреть вопрос об участии казаков в мятеже. Казаки начали присоединяться к восставшим, когда повстанцы подступили к линии приишимских станиц бывшего Сибирского казачьего войска, — примерно с середины февраля 1921 г. Вместе с тем не вся масса казаков, как, впрочем, и крестьян, принимала участие в данном восстании. Как пишет В. И. Шишкин, «...основная масса крестьян и казаков не поддержала повстанцев, хотя многие им симпатизировали. У кого-то не хватило мужества, кто-то считал бессмысленным сопротивление, кто-то питал иллюзию, что произвол вершат местные власти вопреки высшему начальству» [14].

В 2000 и 2001 гг. вышел сборник документов о Западно-Сибирском мятеже «Сибирская Вандея», в котором собраны практически все документы с 1919 по 1921 г. Именно благодаря этим документам мы можем проследить участие казаков в восстании. В первом томе имеется документ, где упоминаются казаки. Это выписка из протокола № 17 от 22 февраля 1920 г. заседания Сибирского областного бюро РКП(б). Именно этот документ, на мой взгляд, явился одной из основных причин, которые подтолкнули казаков к восставшим крестьянам. С одной стороны, в документе говорится о том, что необходимо направить делегатов от казаков на казачий съезд в Москву, а также из конфискованных офицерских земельных наделов выделить наделы трудовому казачеству в первую очередь. Юртовые наделы оставить неприкосновенными. Но, по сути данного постановления, казачество практически ликвидируется. Во-первых, казачьи отделы и секции в органах власти не должны обособляться и казачество должно слиться со всем населением. Во-вторых, дается четкое указание на ликвидацию казачества: «2) Издать декрет, ликвидирующий казачество как сословие и анну-

лирующий связанные с этим привилегии из сословной повинности казачества. Ввиду этого представляется необходимым переименовать станицы и поселки в села и деревни... 4) Дать директивы местным исполкомам и губревкомам не оставлять отдельные пригородные станицы, а включить их в общий состав городских органов управления» [15]. Таким образом, ликвидируется не просто сословие, а этносоциальный статус казаков. Ликвидируются органы казачьего самоуправления по всей вертикали и горизонтали власти. Казачьи станицы и поселки переименоуются в села и деревни, а это уже уничтожение казачьего самосознания, казачьей идентификации, казачьей истории. Мы видим подлинный этноцид в отношении казачества.

В. А. Шуляков в своей монографии «Гибель Сибирского казачьего войска. 1920–1922» подробно описывает, как начиналось восстание и как формировались казачьи отряды, где находились наиболее крупные очаги казачьего повстанческого движения. Казаки проявили высокий уровень организованности и сознательности, установили между общинами достаточно прочные связи и создали Главный штаб объединенного Сибирского казачьего войска. В феврале и марте 1921 г. в Петропавловском, Омском и Кокчетавском уездах воевало порядка 10–15 тыс. казаков-повстанцев. «Это была попытка воссоздания Сибирского войска путем объединения восставших станичных обществ — попытка, предпринятая снизу, самими массами, попытка, свидетельствующая о сохранении у расказаченных станичников сословно-войскового самосознания!» [16].

Понимая важность единения всех повстанческих сил, Главный штаб казаков, который находился в станице Новоникольской, стал посылать делегации на крестьянский север и поставил задачу — объединение всех сил в борьбе с большевиками. Более того, казаки согласились подчиняться Главному штабу Сибирского фронта (главком В. А. Родин, начальник штаба А. Ф. Кудрявцев). Этот факт говорит о многом, ибо казаки всегда считали себя воинским сословием, а значит, должны возглавлять мятежные силы, как всегда было в истории. Лидеры казачества знали толк в консолидации сил, и неважно, кто будет руководить данными силами, главная задача — победить. На объединенном съезде представителей казачества и крестьянства Петропавловского, Ишимского, Курганского и Ялуторовского уездов в

с. Юдине не только была поставлена задача объединения всех сил, но и выдвинут лозунг момента: «Победа или смерть!» [17]. Необходимо пояснить, что А. Ф. Кудрявцев не являлся полковником Генерального штаба, как он сам себя представил, а чекисты эту легенду поддержали для оправдания своих неудач. Москва не подтвердила эти сведения.

В сводке начштаба Шадрина Дубровненского повстанческого штаба Ишимского уезда указывалось: «...Достигнуто полное соглашение с казаками... Настроение наших и казаков оживленное» [18]. Пожалуй, это самое важное деяние со стороны казаков и всех повстанцев по консолидации восставших сил.

Эта акция не на шутку всполошила представителей советской власти. Были направлены несколько телеграмм председателя Сибревкома И. Н. Смирнова председателю Совнаркома В. И. Ленину о предпринимаемых действиях: «Кулацко-казацкое восстание в районе Ишима–Петропавловска подавляется успешно». Хотя в этой же телеграмме указывались и потери со стороны красных. В одной из телеграмм говорится, что казацко-крестьянское восстание, хотя и отброшено на север и юг от железнодороги, распространяется. Началось оживление и на Дальнем Востоке, в Алтайской губернии, а сибирские части не надежны, нужны военные кадры Красной армии [19]. Власти тревожит и тот факт, что казаки и крестьяне объединятся. В документах отмечалось, что крестьяне не совсем доверяли казакам, сказывалась прежняя напряженность. Да порой и не верили, что казаки примкнули к ним. В некоторых советских донесениях говорится, что крестьяне не примыкают к казакам [20]. А в других, наоборот, не исключают такой возможности. Это наводит нас на мысль, что представители советской власти в растерянности. Анализ документов того периода показывает, что власть не только растерялась, она явно не ожидала, что казаки и крестьяне начнут объединяться! И этот факт вызывал наибольшую тревогу большевиков. Поэтому и удары предполагались в первую очередь по восставшим казакам.

Так, в телеграмме помглавкома по Сибири В. И. Шорина командующему советскими войсками Кокчетавского уезда Ф. В. Воронову, где он критикуется за неумелые действия советских войск против повстанцев, ему дается четкое указание: «...В первую очередь ликвиди-

руйте восстания в районе казачьих станиц Челкарская, Имантовская, Келлеровка, действуя сосредоточенными силами и нанося решительные удары» [21]. Мы видим, что власть стала разбираться, что значит восставшие казаки, объединенные с крестьянскими повстанцами. Командование Петропавловской группы советских войск выпустило воззвание к трудящемуся крестьянству и казачеству, где предлагали сложить оружие, обещая всем все простить и не преследовать. В воззвании упоминается и о расколе среди повстанцев [22]. В то же время власти готовили расправу над казаками, считая их самыми главными врагами советской власти. В докладе председателя кокчетавской революционной тройки Т. Ф. Розенбаха Омскому губкому РКП(б) говорится: «По отношению казачьих станиц я проведу следующую политику. После самого беспощадного подавления восстания я в станицы переселю крестьян или переселенцев из России. Казачество кокчетавское надо раз и навсегда ликвидировать, иначе здесь спокойно не будет» [23]. Сибирские казаки понимали, что назад хода нет, сражались мужественно, отчаянно и самоотверженно. Но и у казаков уже не было той массы, которая могла бы переломить весь ход восстания. Первая мировая, Гражданская войны, исход казаков за кордон подорвали их былую мощь и силу. Оставалась только казачья сплоченность, пассионарность и готовность сложить головы за свои идеалы.

Вместе с тем нужно понимать, что не все обстояло так радужно с объединением. Отсюда порой и очень оптимистические донесения. Вот, например, донесение от 19 февраля 1921 г. уполномоченных штаба повстанцев Лапушинской волости Курганского уезда в Лапушинский повстанческий штаб: «...Казаки перешли на сторону крестьян, казаки работают повсюду оживленно. Связь с казаками хорошая. Фронтов со стороны казаков нет. Казачья линия почти вся очищена» [24]. Нужно понимать, что данное донесение скорее пропагандистское, идеологически выверенное и направлено в первую очередь тем слоям населения, которые еще колебались и не примыкали к повстанцам. На этот счет имеется крайне интересная телеграмма начальника штаба народной повстанческой армии Петуховского района Едличко Новорыбинскому повстанческому штабу Петропавловского уезда: «При-

казываю Вам выслать в распоряжение штаба армии отряд казаков в 40–50 человек для отправки на Ишимский фронт для поднятия духа крестьянского населения, так как крестьяне мало уверены, что казаки восстали и работают совместно» [25]. Данная телеграмма говорит нам о многом. Во-первых, казаки — это сила, сплоченность и, самое главное, то сословие, которое умеет воевать. Во-вторых, мы явно видим преодоление разногласий и недоверие между крестьянами и казаками. В-третьих, это огромная вера в казачество, которая основывалась на исторической памяти, когда Сибирские просторы завоевывали казаки, а крестьяне России шли за ними.

Среди населения муссировались слухи о том, что восстание охватило огромные территории Сибири и ожидается помощь казаков и аненковцев. Так, в воззвании начальника Южно-Ишимской дивизии Народной повстанческой армии к населению от 5 марта 1921 г. указывалось, что некоторые деревни Армизонской волости сложили оружие и это — позор. «Крестьяне сильны, и вера в победу тверда. Надеясь на Бога, мы уверены, победа будет за нами. С нами казачество, восставшее от Забайкалья до Оренбурга» [26]. Мы видим огромную веру в казачество, веру в то, что казаки поднялись по всей Западной и Восточной Сибири! На самом деле это не соответствовало действительности. Об этих мифологических вымыслах, которые муссировались среди населения, говорится и в докладе начальника штаба советских войск Петропавловского района С. Д. Володарского начальнику штаба помглавкома по Сибири «О причинах возникновения повстанческого движения в Петропавловском, Ишимском и Кокчетавском районах». В докладе анализируются причины и цели восставших, упоминается о слухах, которые распространяются среди населения, «что бывший великий князь Николай Николаевич и Анненков соорганизовали стотысячную армию и идут повстанцам на помощь» [27]. Нужно понимать, что у казачества уже не было ни сил, ни людских ресурсов, но руководители повстанческих отрядов специально поддерживали и распространяли эти слухи. Населению нужна была вера и, главное, надежда!

Понятно участие казаков там, где мятеж охватил территории бывшего Сибирского казачьего войска. Вместе с тем необходимо

отметить удивительный и уникальный факт — участие казаков на территории Тюменского региона, где казаков со второй половины XIX в. уже не было. Так, в составе Народной повстанческой армии Тобольского уезда действовал «конный казачий полк» под командованием Сергея Скобеева, численностью до 500 человек [28].

Неясно, из каких казаков формировался данный полк. Возможно, это были потомки казаков, когда-то переведенных в гражданские условия, а также казаки, по воле судьбы заброшенные в наши края. В Тобольске, в лагерях «Райрыбы» работали казаки-донцы и кубанцы, которые сдались в плен во время Гражданской войны. По этому вопросу имеются только косвенные данные, исходя из фамилий казаков — участников мятежа. В Туринском уезде работали 430 донских и кубанских казаков из состава армии генерала Врангеля. Как пишет В. А. Шудряков, «формирование добровольческого казачьего отряда Скобеева началось 24 февраля в занятом восставшими городе Тобольске. Вступили в него заключенные из лагеря принудительных работ «Райрыбы» Тобольского районного управления рыбными промыслами (И. Васильев, А. Нимаков, М. Соколов), а также «городские» (вахмистр Сакохов, Г. Ф. Ковтун, Мухаренков, Тимофеев) [29]. Требуется более глубокое научное исследование этого вопроса. По моему мнению, это была вторая попытка возродить казачество в Тюменском регионе. Первая предпринималась еще до революции. В августе 1889 г. графу Игнатьеву, бывшему товарищу министра МВД, было подано прошение от бывших казаков с просьбой вернуть их в казачье сословие. Данное обращение было передано губернатору Тройницкому, который в ответ на это просил: «... в виду давнего беспримерного упорства небольшой кучки людей, не признающих обязательности закона, выслать в пример другим административным порядком хотя бы одного постоянного зачинщика всех смут мещанина Николая Кайдалова». Распоряжения от министерства по этому поводу не последовало [30]. Интересная деталь: в одном из документов упоминается отряд под предводительством атамана Мокрицкого из села Усть-Ишим. Предполагаю, что не случайно он назвал себя не командиром, а атаманом. Скорее всего, предки Мокрицкого происходили из казаков, и он вспомнил свои этнические корни [31].

Руководители Тобольской народной армии использовали казаков как ударную силу, так как они были наиболее боеспособны и обучены. Казаков использовали небольшими отрядами по 25 человек. Это была хорошо продуманная тактика руководителей повстанческого движения: во-первых, казаков сохраняли как ударную силу; во-вторых, создавали видимость большего количества казаков; в-третьих, казаки являлись лучшими организаторами и были, по сути, катализатором повстанческого движения среди тех слоев населения, которые еще не примкнули к восставшим! Сведений об этом казачьем отряде очень мало. Известно, что после падения Тобольска повстанцы разбились на несколько мелких групп и стали отходить: часть — на север, часть — в другие районы. На север уходил отряд В. М. Желтовского, в составе которого был отряд казаков в 200 человек. Они попытались организовать сопротивление на Обском Севере, но были разбиты красным отрядом П. И. Лопарева. В этом последнем бою, скорее всего, все казаки отряда погибли.

О бывшем командире казачьего полка С. Скобееве, В. А. Шулдяков пишет: «Его партизанский отряд насчитывал 83 человека и имел на вооружении трехлинейные винтовки, одно авторужье, бомбы. Судя по натянутым отношениям с населением, среди партизан Скобеева преобладали пришлые люди, не имеющие устойчивых связей с местными крестьянами, быть может казаки. О конце этого отряда данных нет» [32]. Отряд действовал в конце июня 1921 г. в районе села Черного, к югу от Тобольска.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

Во-первых, казаки активно приняли участие в повстанческом движении, показали себя наиболее организованной, сплоченной силой. Казаки продемонстрировали высокую способность к самоорганизации. Об этом говорится и в аналитическом докладе командира 85-й стрелковой бригады Н. Н. Рохманова помглавному по Сибири В. И. Шорину «Операция по подавлению повстанческого движения в Тюменской губернии за время с 10 февраля по 24 марта 1921 г.» [33].

Во-вторых, казаки Сибири не просто участвовали в данном мятеже, они попытались воссоздать Сибирское казачье войско, вос-

создать войсковую структуру управления. А казаки Тюменского региона попробовали вернуть казачество в Тюменский край. Это была попытка сохранить казачье самосознание, идентификацию и свою историко-этническую память.

В-третьих, огромная вера населения восставших территорий в казачество как в наиболее сплоченное, пассионарное и активное состояние, готовое к самопожертвованию. Вера в то, что это не какой-то бунт уезда, а действительно повстанческое движение всероссийского масштаба, тем более что казаки практически все принимали участие в восстании в отличие от крестьян. В. А. Шулдяков пишет: «Итак, в восстании участвовали все или почти все казачество» [34].

В-четвертых, нельзя отрицать и того факта, что между восставшими крестьянами и казаками существовали некоторые натянутые отношения, некоторое недоверие. Впрочем, крестьяне не доверяли своим руководителям и офицерам. Отсюда расправы восставших со своими руководителями В. А. Родиным и А. Ф. Кудрявцевым из-за военных неудач [35]. Казаки, в отличие от крестьян, доверяли своим офицерам и руководителям. Во-первых, они были своими; во-вторых, это было в крови у казаков, частью их историко-этнических традиций.

Хочу напомнить фрагмент стихотворения «Братство» хорунжего Сибирского казачьего войска А. А. Грызова (литературный псевдоним Ачаир), написанного им в Харбине в 1940 г.:

*Мы не умрем! Борьбою белой
Крест воскресенья заслужив.
Навеки с нами — образ смелый
России будущего — жив.*

Россия возрождается, возрождается и казачество, которое всегда стояло на защите многонационального Отечества. Мы сохраняем свою историко-этническую память и передаем ее будущим поколениям. И сегодня, в нынешней России, «... именно наличие казачества является современной самоидентификацией России. Казачество — это часть населения Российской Федерации, которая является не просто сплоченной, а здоровой, нравственной, внушающей оптимизм, то есть веру в будущее» [36].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Хохульников К. Н. Казаки России! Ростов н/Д, 2012. С. 248.
2. Казачество России. Историко-правовой аспект: документы, факты, комментарии. 1917–1940 гг. М., 1999. С. 314.
3. Алмазов Б. А. Военная история казачества. М., 2008. С. 10, 11.
4. Казачество России. Историко-правовой аспект: документы, факты, комментарии. 1917–1940 гг. С. 73, 314.
5. Телевыступление А. И. Солженицына от 4 сентября 1995 г.
6. История казачества Азиатской России: в 3 т. Т. 3: XX век. Екатеринбург, 1995. С. 70.
7. Таболина Т. В. Возрождение казачества: истоки, хроника, перспективы. 1989–1994. Т. 1. М., 1994. С. 230, 231.
8. Телевыступление А. И. Солженицына от 4 сентября 1995 г.
9. Таболина Т. В. Указ. соч. С. 244, 245.
10. История казачества Азиатской России: в 3 т. Т. 3: XX век. С. 72.
11. Таболина Т. В. Указ соч. С. 251–253.
12. Казачество России. Историко-правовой аспект: документы, факты, комментарии. 1917–1940 гг. С. 4, 5.
13. Шуляков В. А. Гибель Сибирского казачьего войска. 1920–1922. Кн. 2. М., 2004. С. 204.
14. Шишкин В. И. Западно-Сибирский мятеж 1921 г.: историография вопроса // Гражданская война на востоке России. Проблемы истории: Бахрушинские чтения 2001 г. Новосибирск, 2001. С. 137–175.
15. Сибирская Вандея. 1919–1920. Документы: в 2 т. Т. 1. М., 2000. С. 18.
16. Шуляков В. А. Указ. соч. С. 217, 218, 266.
17. Там же. С. 218.
18. Сибирская Вандея. 1919–1920. Документы: в 2 т. Т. 2. С. 180.
19. Там же. С. 218, 219, 294.
20. Там же. С. 232, 233.
21. Там же. С. 235.
22. Там же. С. 253, 254.
23. Там же. С. 327, 328.
24. Там же. С. 231.
25. Там же. С. 228.
26. Там же. С. 354.
27. Там же. С. 361, 362.
28. Шуляков В. А. Указ. соч. С. 263.

29. Там же. С. 262, 263.
30. Сулимов В. Цесаревич Николай в Тобольской губернии. Тобольск, 2009. С. 57.
31. Сибирская Вандея. 1919–1920. Документы: в 2 т. Т. 2. С. 117.
32. Шуляков В. А. Указ. соч. С. 264, 265.
33. Сибирская Вандея. 1919–1920. Документы: в 2 т. Т. 2. С. 666, 667.
34. Шуляков В. А. Указ. соч. С. 277.
35. Там же. С. 273.
36. Союз казаков России: 1990–2010. М., 2010. С. 52.

А. А. СУХАРЕВ

аспирант кафедры отечественной истории Тюменского государственного университета

СОВЕТСКИЕ МАССОВЫЕ ПРАЗДНИКИ В ГОДЫ НЭПА (НА МАТЕРИАЛАХ ТЮМЕНИ)

В современной историографии советские массовые праздники нередко становятся предметом исследования [1]. Это стало следствием масштабного процесса в исторической науке, вызванного возросшим интересом исследователей к повседневным практикам и ментальности широких масс населения, и в частности восприятию ими партийно-государственной пропаганды. Так, М. Рольф понимает советский массовый праздник как средство осуществления господства большевиков, используемое для распространения догм, норм и представлений о будущем [2]. Для С. Ю. Малышевой праздничная культура первого советского десятилетия представляет интерес как важная составляющая социального конструирования реальности и процесса ресоциализации жителей российской провинции [3].

После большевистской революции 1917 г. новая власть была заинтересована в поддержке населения. Одним из средств, призванных обеспечить доверие режиму, явились советские массовые праздники. Торжественные мероприятия пропитывались